

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Серия «Психология»
2015. Т. 13. С. 62–70
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 159.99

Смерть как феномен мышления и познания жизни человеком

В. В. Козлов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль
E-mail: kozlov@zi-kozlov

Аннотация. Дается описание представлений, установок, мифов в истории человечества и научных исследований феномена смерти. Говорится о психологических механизмах осмысления жизни через уроки смерти, духовные искания человека в процессе жизни через переживание состояния умирания.

В статье идет речь о кризисе середины жизни, который связан с переживанием смерти родителей, дающей последние уроки выстраивания собственной жизни. Отмечается, что человек строит свою жизнь в соответствии с самым сильным переживанием – страхом смерти, и даже занимаясь экстремальными видами действий, он заигрывает не со смертью, а со своим страхом смерти.

Ключевые слова: смыслы жизни, феномен смерти, состояние умирания, духовный поиск, психология смерти, жизнь и бессмертие, кризис середины жизни, страх смерти, инициация в смерть.

У врат

Единственная ситуация, когда возможен еще один разворот переживания отношения к смерти, – это кризис середины жизни, который трудно обозначить каким-то возрастным периодом, хотя многие считают, что это период с 45 до 55 лет. Некоторые называют этот период кризисом второй половины жизни.

На мой взгляд, границы этого возраста определяются смертью родителей и старшего поколения. Они открывают нам врата смерти, и мы «становимся первыми в очереди», когда эта данность все ближе. Смерть родителей открывает новый этап осознания своей конечности: «Все люди умирают, и я скоро умру».

В психологии очень по-разному обозначают возрастные рубежи этого кризиса. Например, считается, что в сорок лет юнгианский кризис середины жизни, некоторые утверждают, что кризис середины жизни разворачивается в период от сорока до пятидесяти пяти лет, другие рассматривают началом верхней возрастной границы кризиса тридцать пять лет. Мы уверены, что кризис середины жизни – это не возраст. В некотором смысле этот кризис может приходиться даже не на середину жизни, а может быть ее концом. Кризис середины

жизни – это внутренний психологический разворот. На наш взгляд, он наступает тогда, когда умирает старшее поколение, умирают родители. Именно смерть родителей (или референтных, значимых людей, которые находились на месте родителей) делает следующую тотальную инициацию в смерть. Именно в этой инициации открываются врата Смерти.

Если люди подросткового, юношеского возраста существуют в той логике, что смерть хотя и реальна, но она еще очень и очень далека, мы еще проживем, то в кризисе середины жизни смерть всегда рождает иную логику: все умирают, и я умру скоро, я первый в очереди. В этой ситуации есть особые стратегии ухода от инициации в смерть или же ухода от ее остроты и сокрушающей силы.

Первая возможность – это замещение родителей другими референтными, значимыми лицами. Как правило, таковыми становятся люди старшего поколения, которые могут заместить родителей по психологической значимости. Это может быть, например, школьный учитель, научный руководитель, руководитель с работы, старший друг или подруга и т. д. В некотором смысле человек находит другого, который прикрывает дверь Смерти, дает понять, что еще есть люди в очереди. Эти лица отвечают не просто внутренним психологическим механизмом, они спасают от тотального страха смерти. У многих людей отношение к тем, кто замещает родителей, прикрывает дверь, становится еще более трепетным и внимательным, чем отношение к собственным родителям. И это психологически правильный и здоровый способ интеграции страха смерти, неизбежности смерти и тотальной остроты страха смерти. Конечно, из нашего сознания нам бы хотелось, чтобы наши родители жили вечно, и врата Смерти никогда не открылись бы.

Другие способы избегания страха смерти во многом повторяют реакции, которые мы описывали для подросткового кризиса.

Возможен уход в гедонизм: человек, понимая, что скоро умрет, начинает жадно глотать нектар жизни – развлечения, секс, алкоголь, наркотики, жажда новых впечатлений и ощущений... Здесь мотивационные установки те же самые, что и у подростка, но они не обладают той тотальностью и энергией и, может быть, той искренностью, которая существует в подростковом возрасте.

Конечно, встречается и суицид, есть и риск безумия, и риск уйти на социальное дно.

Смысл позитивной интеграции в этом кризисе заключается в том, чтобы в конце концов принять вызов смертности, принять то, что двери открыты, и, приняв это, тотально заниматься своей миссией, своим коаном, который человек, может быть, получил уже в подростковом возрасте. Человек может в любом возрасте на самом деле стать творцом, когда открывается дверь Смерти.

Есть и другие версии интеграции, которые также психологически оправданны. Человек может уйти на поколение раньше, вступив в брак с партнером моложе, и тем самым перешагнуть в возраст, где еще до смерти далеко, потому что еще раз открывается стадия Космоса Жизни со своими ценностями и заботами. Могут, например, возрождаться школьные или студенческие тусовки, и люди чувствуют себя в том времени, встречаясь и проводя время вместе.

В некоторых случаях, сталкиваясь с кризисом смертности, человек полностью меняет образ жизни и начинает беречь здоровье, бросает вредные привычки, занимается спортом, следит за питанием и пр. Часто люди в этом кризисе обретают веру, уходят в религиозные институты, иницируются в ту систему ценностей, где есть бессмертие души или сознания.

Эти психологические развороты кризиса середины жизни являются тотальными и последними, каких-то существенных и сравнимых по силе новообразований в осмыслении и понимании смерти больше у человека не возникает. Реакции, которые существуют в отношении к страху смерти в дальнейшем, не отличаются новизной от реакций, возникших на этом этапе.

Конечно, есть еще кризисы старения и умирания, но сформированные во время кризиса пубертата или середины жизни установки и стратегии отношения к смерти являются матричными для всех последующих кризисов смерти. Безусловно, возможно изменение стратегий, но в большинстве случаев подобное маловероятно.

Так что смысл жизни становится духовным лейтмотивом человеческого существования. Страх смерти, амбивалентность энергии смерти, любопытство к смерти и смысл смерти тоже сопровождают человека всю жизнь.

Острота этой потери и глубина последней инициации в смерть, наверное, зависит от духовной связи, которую имеешь с родителями.

У мужчин это, как правило, бывает с отцом. Именно эта потеря для меня была самой катастрофичной из всех, которые я испытывал в жизни.

Это было начало мая.

И когда я вошел в дом, в котором прошло мое детство, в зале я увидел гроб с отцом. Он был и узнаваем, и неузнаваем одновременно. Смерть оставила форму, которая уже начала слегка вспухать, и уже был ее запах, который не спутаешь ни с чем и который не мог даже преодолеть ладан, зажженный в избе.

И когда я приблизился к гробу и поцеловал отца, я вдруг понял, что его точно нет тут, в этом теле, и то, что я вижу, это нечто, оставленное отцом и после отца как напоминание о том, что он был на самом деле когда-то.

Я долго смотрел на тело.

И вспоминал, как мы прожили жизнь. Как в 1961 г. он своими руками вырезал из дерева мою первую и последнюю игрушку – автомобиль, который уже в моих руках приобретал новые подробности. Я его красил, подрисовывал ему детали, и даже в юности он все время мне попадался на руки, вызывая удивление – как я мог в это играть – и одновременно какую-то нежность.

Я любил отца очень, когда был ребенком, и мне казалось, что умнее и сильнее его нет. Мне нравилось и его буйность, я восторгался тому, сколько он мог выпить, и я уважал даже те привычки, которые мама считала плохими. У меня была идея, что такому, как он, позволено быть всяким, и я любил его всяким. Мне нравилось смотреть, как он работает, и как отдыхает, и как читает...

Затем я стал взрослым и уже любил его как взрослый мужик взрослого мужика, но при этом не потеряв свою безусловную детскую любовь к нему.

И затем я постарел душой в конце 90-х гг., а он все еще оставался молодым душой, и в некотором смысле я стал для него отцом, потому что только мне он обращал самые главные и сокровенные вопросы своей жизни.

И мы с ним гуляли по деревне подолгу, и я ему рассказывал все, что постиг сам, и он уважал мое знание. Я обожал эти прогулки, и ничего более ценного я не испытывал в своей жизни, как проповеди отцу. Я их читал и чувствовал, что никто не понимает и не принимает душой мои слова так, как отец.

Он мне верил. И даже молчание с ним было полно смысла.

Я смотрел на мертвое тело отца, и тысячи воспоминаний и чувств всплывали в моей памяти.

Я прожил с ним всю свою жизнь, и какая-то очень важная часть моего существования прямо на глазах разваливалась, превращалась в смердящие гниль и прах.

Вот жил отец, человек страсти и буйства, желаний и стремлений, жаждущий и страждущий, хотел уважения, любви, значимости, иметь и быть одновременно.

И вот труп, тронутый гниением, уже текущий.

Я смотрел и вдруг приобрел око смерти, которое оставило в сознании единственную мысль: *«ничего не значит ничего»*.

Если все заканчивается смердящим трупом, то вся твоя жизнь со всеми желаниями и отношениями, страстями и переживаниями – все ничего не значит.

Мысль была настолько очевидной и истинной, что остальные все слова куда-то разбежались, и уже ничего не помогало – ни красивые похороны под светлым и ясным голубым небом, ярким солнцем. Будто природа говорила своей сочной молодой зеленью и звонкими песнями весенних птиц: *«жить, жить, жить – вот что значимо»*.

Не помогла и безумная и непонятная пурга с ураганным ветром, которая возникла, как упавшая во мгновение ока с небес и напомнившая нам, что родом отец из великих язычников – ведунов, людей силы и что именно этого в нем мы и боялись.

Не помогли ни ритуальные поминки по христианскому обычаю, ни языческий пир с вином и обилием – смерть как праздник и радость.

Мысль так и не исчезала, и когда я слушал, как поет моя семья – семеро братьев и сестер, объединенных одним посвящением в смерть, я подумал еще: «Почему Козловы поют только грустные песни-плач и почему их **тоска** объединяет, как правда жизни».

Я пел вместе с ними, и это было больше похоже не на песню, а на вой стаи старых волков, потерявших вожака и взглянувших в очи смерти.

То была удивительно грустная и бесконечная ночь.

Смерть оказалась безупречной истиной в этой ночи, а жизнь глупостью и ложью.

И мне казалось, что семья на меня тоже смотрит очами смерти и что у нас появилась одна забота – найти смысл жить.

Но первая ночь без отца на земле так и не дала смысла жизни.

Я приобрел очи смерти, и каждый взгляд, встреча, чувство проверялись этим взглядом, взглядом оттуда.

И ничто не выдерживало проверки, и все превращалось в большой абсурд.

Иногда я задумывался над тем, что я психолог и даже доктор наук и должен был разобраться с силами Тонатоса.

Но рядом со смертью звания и должности казались еще большей глупостью, а претензии на ум и значимость пустым фиглярством.

На сцене, где играла смерть, не оказалось больше ни одной значимой фигуры.

И когда я увидел все живое мертвым, а все значимое потерявшим смысл, наступило самое худшее, что может сотвориться с человеком, – я потерял смысл жизни, и затем...

Затем наступила долгая депрессия, от которой я спасся только на сороковой день во время долгой встречи с живым отцом, которого я провожал в верхние миры, и мы с ним летели рядом.

Я чувствовал ликование от того, что я и есть проводник и что светлые миры открыты для него.

Звучит странно, но жизнь человеческая не дала мне смысла.

Дала Смерть.

Я посмотрел вместе с отцом за пределы врат смерти и увидел, что жизнь на земле имеет смысл в своей полноте.

Я понимаю, что я написал не академический текст и, может, он и не к лицу профессору.

Но смерть как любовь – за пределами добра и зла.

И наше сознание наго перед лицом смерти.

Без всяких одежд.

Страх смерти

Русский философ XX в. Лев Шестов писал о глубокой трагичности постижения феномена человеческой бренности. По его мнению, что бы мы ни говорили и как бы мы ни думали о смерти, под всеми нашими словами и мыслями будет всегда скрываться огромная тревога и величайшее напряжение. И чем глубже мы станем погружаться в мысль о смерти, тем больше будет расти и наша тревога. Так что философия имеет своей последней задачей не построение системы, не обоснование нашего знания, не примирение видимых противоречий в жизни – все это задачи положительных наук, которые, в противоположность философии, служат жизни, т. е. преходящим нуждам, а о смерти, т. е. о вечности, не думают. Задача философии вырваться, хотя бы отчасти, при жизни от жизни. И, подобно тому, как человек с плачем родился на свет или с криком пробуждается от мучительного кошмарного сна, так и переход к смерти от жизни должен, по-видимому, сопровождаться бессмысленным, отчаянным усилием, адекватным выражением которого будет тоже бессмысленный, отчаянный крик или безумное рыдание. Л. Шестов думал, это такого рода «пробуждения» знали многие философы.

Тревога и страх смерти является самым основным и сильным страхом, который может вообще испытать человек, но он же дает мощный толчок внутреннему развитию. В истории мы знаем множество случаев, когда пиковое переживание смерти (переживание клинической смерти, реальной возможности умереть или сильное присоединение к смерти близкого человека) может сразу «выбросить» человека на абсолютно иной и более высокий уровень внутреннего развития.

С другой стороны, подсознательный страх перед смертью является не только первичной основой всех душевных и морально-нравственных проблем человека, но и приводит к поиску и отождествлению с «вечными» и «бессмертными» ценностями. Во многом страх смерти принуждает человека накапливать материальные ценности (золото, бриллианты, машины, деньги, строить дома «на века» и др.), занимать статусы на вершинах социальных пирамид, входить в «вечные» касты и закрытые группы «носителей знания и власти», набирать титулы и звания, в духовном поиске соприкасаться с бессмертием через просветление, пробуждение или заниматься шива-йогой (йогой бессмертия) в многообразии форм – от солнцедства до выплавления пилюль бессмертия через внешнюю и внутреннюю алхимию.

Страх смерти толкает людей в церковь, которая дает веру в бессмертие души. Для верующего, уверенного в спасении и милости Божией, смерть становится ожидаемой и, возможно, желаемой. Переход в иной мир лишается драматических, трагических, фобических черт.

Страх смерти толкает современного человека, убежденного в том, что живут лишь единокды, в предельный гедонизм и стремление всеми силами взять от текущей земной жизни все, что можно, не считаясь при этом ни с чем и ни с кем.

Й. Хейзинга описывает в книге «Осень Средневековья» длительную эволюцию образа смерти — от апокалипсического всадника через болезненную фиксацию внимания на полуразложившихся останках некогда живого и прекрасного существа до знаменитой картины Пляски Смерти. Он полагал, что в представлении о смерти вторгается новый, поражающий воображение элемент, содрогание, рождающееся в сферах сознания, напуганного жуткими призраками, вызывавшими внезапные приступы липкого, ледящего страха. Всевластная религиозная мысль тут же переносит все это в моральную сферу, сводит к *temento mori*, охотно используя подчиняющую силу страха, основанную на представлениях, окрашенных ужасом перед привидениями.

Страх смерти, являясь первичным и самым сильным источником постоянной экзистенциальной тревоги, может стать как самым сильным катализатором внутреннего развития личности, так и причиной социального падения или тяжелой психопатологии.

Этот страх может привести к необычайному экспериментированию своей жизнью, к героическим поступкам, но также к предельному садизму и мазохизму. Некоторые это называют игрой со смертью. Но со смертью играть так же бессмысленно, как со звездами на небосклоне. Люди играют со своим страхом смерти.

Страх смерти является не только первичной, но и самой мощной эмоцией.

И эта эмоция, кроме всего, вызывает мощный прилив энергии вплоть до экстаза буйства силы, религиозного и мистического экстаза, чувства полета, трансцендентных и трансперсональных переживаний высокой интенсивности.

В середине прошлого столетия скука, сытость и комфорт жизни вызвали целое направление экстрима, который представляет из себя человеческую активность в совокупности с экстраординарными действиями, связанными с опасностью для жизни и игрой со страхом смерти.

Причины игры со страхом смерти многообразны, основная – сильные эмоции и переживания, энергетическая сверхинтенсивность, острота ощущения жизни, высокий уровень адреналина, удовольствие и наслаждение процессом.

Альпинизм, авто- мотоспорт, дайвинг, парашютный спорт, серфинг, сноубординг, виндсерфинг, вейкбординг, кайтинг, экстрим-фитнес и многое другое, ежедневно возникающее как ответ на жажду игры со страхом смерти и переживаниями на грани жизни и смерти.

Экстремальный секс, боевые искусства, интоксикация наркотиками и алкоголем в предельных дозах, гонки на машинах на пределах возможности – еще один не полный перечень этих игр со страхом смерти.

Конечно, многие из этих игр заканчиваются летальным исходом, но когда заигрываешься, игра всегда проглатывает личность и сознание полностью. В этом суть игры.

Но люди в основном не играют с энергией смерти, оставляя эту игру во власти самой смерти. И этот страх внутри человека оборачивается базовой тревогой и грустью смертного, взирающего в вечные небеса с тоской временности и краткости жизни.

Но бывает по-другому. Страх гложет тебя ежедневно, когда ты о ней, о смерти, думаешь ежедневно и ежечасно, как о прекрасной любовнице. И затем страх съедает все радости жизни, как червяк изъедает нутро яблока. И остается одна человеческая форма с глазами, взирающими на жизнь из тоски опустошенности. И тогда ты сдаешься.

И я помню, как это происходит.

Тогда мне было всего 21.

И был вроде и здоров, и силен неумно, но когда мы после стройотряда с Валерой Скачковым ловили барана на еду в дорогу в колхозной овчарне, увидев веревку, которой он спутывал ноги барану, я понял, что эта та веревка. Мы решили на моторной лодке Валеры добраться до Ярославля. Когда разделали барана, выбросили все останки в Волгу и, проплыв километров 20 по течению, развели костер, приготовили мясо и, выпив по бутылке водки, уже не смогли спать и поплыли дальше.

И сколько бы мы ни пили, сколько бы ни плыли – не отпускало.

Заночевали.

И затем буйство продолжалось.

И лишь на следующее утро, когда Валера решил сходить к родственникам и я остался один, пришла решимость завершиться.

Было удивительно красивое июльское утро. Ночевали мы в сосновом бору. Берег на Волгу открывался крутым обрывом, на краю которого росла одинокая береза, раскинувшая ветки прямо над обрывом.

Петля была уже давно сделана, и прикрепить веревку к мощному суку было дело минутным.

Было сомнение, что висельники не очень красивы.

Но согревала одна странная мысль: «Буду висеть на березе над обрывом, будут проплывать белые пароходы, а люди будут показывать друг другу с паубы на меня и говорить: “Вот человек висит, посмотри”».

И когда кинулся с петлей с обрыва, то в течение секунд до этого жизнь промелькнула передо мной, я рухнул на камни и затем сидел несколько минут оглушенный.

Болела шея, разодранные колени и локти в кровь, рядом лежал сук с веревкой...

И пели птицы, небо было синее, необычно яркое солнце, все краски казались сочными и даже кровь.

И в этот момент я понял, что жизнь-то на самом деле хороша, все в мире прекрасно. И дышать хорошо, и боль была наполнена смыслом.

В этот момент я понял, что не мой выбор – смерть, не я буду выбирать и что я не нуждаюсь в этой свободе. И что больше никогда не буду делать попытку прервать жизнь – пусть будет воля смерти, но не моя.

Я еще поносил эту веревку как напоминание в качестве ремня несколько дней, затем выбросил так же, как саму идею о самоубийстве.

И затем много думал о том, почему это произошло, и имел ли я на это право. Ведь я перешел за черту дозволенного не ради выгоды или игры с опасностью и не истероидной демонстрации или по причине потери чего-то важного...

Почему я не выиграл поединок своей жизни со смертью и во мне умерло в какой-то момент все, что удерживало на этом свете?

Вне сомнения, я на какое-то время потерял смысл жизни под влиянием странных обстоятельств своего существования, на которых мне не хочется останавливаться. Но я точно знаю, что утрата смысла жизни – это необходимое, но не достаточное условие принятия решения о самоубийстве.

Произошла внутренняя переоценка смерти.

Я впервые в 21 год столкнулся с тоской полноты и завершенности жизни.

И эта тоска так глубоко овладела моим существом, что я себя почувствовал древним стариком, который все видел и прожил и отжил все, что может дать жизнь.

И эта **тоска полноты и завершенности жизни** опустошила мою душу и лишила красок мир, высушила соки желаний и страсти, сокрушила цели и смыслы человеческого бытия.

Смерть приобрела качество нравственного смысла и предельной ценности и представилась моему сознанию как единственная возможность справиться с этой тоской.

Думал ли я, что самоубийство аморально?

Нет.

Сокрушал мой выбор смерти мои представления о счастье, добре, справедливости, долге, чести, достоинстве?..

Нет.

Смерть наполняла их новым смыслом.

Было счастьем, добром, справедливостью, долгом, честью, достоинством кинуться в петлю, чем проживать эту тоску полноты и завершенности жизни.

В этой тоске полноты была полная пустота смыслов – предельная отрешенная медитация по отношению к ценностям жизни. Когда человек выбирает этот поступок, он видит в самоубийстве не просто действие, причиняющее смерть, но и определенный поступок, несущий положительный или отрицательный нравственный смысл и вызывающий определенное отношение людей, их оценки и мнения.

Смерть как базовая конечность порождает четыре самые сущностные ценности бытия человека – свободу, одиночество, абсурд жизни и любовь.

Об этом – уже в другой серии статей.

Thanatophobia

V. V. Kozlov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

Abstract. In his series of papers Doctor of Sciences (Psychology), Professor V. V. Kozlov, being an acknowledged expert in transpersonal psychology in Russia and a cofounder of integrative psychology, describes notions, attitudes, myths of death phenomenon in mankind history and researches. Psychological mechanisms of life re-evaluation through death experience, lifelong spiritual quest of a person through dying experience are considered.

The third paper touches upon middle-age crisis associated with parents' loss experience and giving the last lesson how to make his or her own life. A person shapes his or her destiny in accordance with death anxiety, which is the most stressful experience. Doing extreme activities a person is pandering with his or her death anxiety rather than death itself.

Keywords: meanings of life, death phenomenon, dying, spiritual quest, death psychology, life and immortality, middle-age crisis, thanatophobia, death anxiety, death initiation.

*Козлов Владимир Васильевич
доктор психологических наук, профессор;
президент
Международная академия
психологических наук
150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, 9-2
Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова
150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru*

*Kozlov Vladimir Vasilievich
Doctor of Sciences (Psychology), Professor
President
International Academy of Psychological
Sciences
9-2, Pervomaiskaya st., Yaroslavl, 150000
P. G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya st., Yaroslavl, 150000
e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru*